

10. ПМ КФЭЭ. А/к 395. Инф. Е.И. Пручай, 1918 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградского района КК в 1992 г. Соб. Н.И. Бондарь, А.А. Буланкин, В.В. Бабицкий.
11. ПМ КФЭЭ. А/к 409. Инф. В.И. Панасенко, 1929 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградского района КК в 1993 г. Соб. Е.В. Зуб.
12. ПМ КФЭЭ. А/к 413. Инф. М.С. Колесник, 1906 г.р., зап. в ст. Ленинградской Ленинградского района КК в 1993 г. Соб. Е.В. Зуб, А.Н. Деркач, А.Г. Макаров.
13. ПМ КФЭЭ. А/к 414. Фольклорный коллектив «Казачьи напевы», зап. в ст. Ленинградской Ленинградского района КК в 1993 г. Соб. Е.В. Зуб, А.Н. Деркач, А.Г. Макаров.
14. ПМ КФЭЭ. А/к 433. Инф. Т.П. Сыч, 1930 г.р.; Н.И. Конник, 1900 г.р., зап. в ст. Крыловской Ленинградского района КК в 1993 г. Соб. Е.А. Бутко, В.В. Бабицкий.
15. Россия, Краснодарский край. Книга памяти. Т. 21 (обзорный). Краснодар, 1999.
16. Тёр Е.В. В краю рек и курганов. Ленинградская, 2015.
17. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1629. Оп. 1. Д. 38.
18. ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 66.
19. ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 151.

М.П. Мерзляков

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В РАЗДОРСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам устно-исторических исследований)**

Коренное изменение всех сторон жизни советского общества в целом и всех его членов в частности, причиной которого была Великая Отечественная война 1941–1945 гг., привело к формированию широкого спектра новых поведенческих практик и стратегий выживания. Значительным потенциалом для их исторического анализа обладают устные нарративы.

Историческое интервью дает возможность изучить повседневный мир человека спустя многие годы, позволяет увидеть в событиях военных лет не столько трагедию, сколько жизненные испытания. Вместе с тем в России метод устной истории начинает активно включаться в методологическое поле исследований Великой Отечественной войны только в 1990-е гг. Как указывает Е.Ф. Кринко, это

было обусловлено, во-первых, общими изменениями в подходах и методологии исследований военной темы, во-вторых, отменой цензурных ограничений и публикацией на русском языке работ иностранных авторов по устной истории, в-третьих, быстрым совершенствованием записывающих устройств, ставших компактными и доступными исследователям [4: 200].

В Ростовской области материалы по военной теме в течение многих лет собирались Т.Ю. Власкиной в ходе диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (затем – Южного федерального университета) и Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук. Результаты указанных исследований нашли отражение в ряде ее публикаций [1; 2]. Отражению событий Великой Отечественной войны в памяти донских казаков посвящена и работа М.А. Рыбловой [10]. Известный российский историк Е.Ф. Кринко в своих трудах не только дает методологические рекомендации по использованию инструментария устной истории, но и использует интервью как исторический источник [4; 5]. В одной из статей он констатирует: «Сопоставление рассказов, относящихся к различным вооруженным конфликтам, записанных в рамках одного исследовательского проекта, создает возможности для выявления общих и специфических черт в переживании разных военных событий» [4: 200].

В ряде статей исследователи представляли материал, записанный непосредственно в Усть-Донецком районе Ростовской области (в 1935–1963 гг. это был Раздорский район). Т.Б. Дианова опубликовала автобиографические тексты жительницы ст. Раздорской А.А. Давыдыч: ее воспоминания о начале войны и проходах отца на фронт, о первых бомбежках станицы и немецкой оккупации [3]. А.Ф. Лицарева на материале экспедиционных записей Московского государственного университета из той же станицы анализирует типичные и локально специфичные тематические блоки воспоминаний о войне, относя к первым рассказы о начале, конце войны, бомбежках, отношению немцев к жителям, а ко вторым, в частности, рассказы о бомбардировках переправ через Дон [6].

В 2000-х гг. особую роль в сохранении исторической памяти и событиях 1941–1945 гг. на территории ст. Раздорской Усть-Донецкого района сыграл Раздорский этнографический музей-

заповедник. С 2018 по 2024 г. руководство музея реализовало полевое исследование, в ходе которого было интервьюировано 27 местных жителей. С каждым годом реализовывать проект было всё сложнее, так как участники и очевидцы событий военного лихолетья уходили из жизни в силу своего возраста. Опросник для интервью включал 37 вопросов, отражающие следующие события: перестройка мирной жизни станичников на военный лад, проводы на войну, эвакуация колхозов, военные действия по захвату станицы немецко-фашистскими оккупантами, бои на донских переправах летом 1942 г. трагедия оккупации, практики выживания в условиях «нового порядка», террор против мирного населения, действия партизан, освобождение населенных пунктов Раздорского района от врага и др. Следует отметить, что вопросный ряд обладал региональной спецификой, связанной с компактным проживанием казачьего населения.

Проанализировав интервью жителей ст. Раздорской, мы подтверждаем гипотезу, высказанную А.Ф. Лицаревой [6], о том, что наиболее ярким воспоминанием станичников из относящихся к военным событиям было воспоминание о боях за донские переправы в июле 1942 г.

Анна Романовна Басова рассказывала: «Напротив станицы Мелиховской была переправа понтонная, где старый паром, переправлялись, когда наши уже отступали, на этой переправе, прямо здесь она была, напротив, на понтонах. А чтобы подойти к понтонам, надо было сделать помост, чтоб подойти с берега, надо, чтобы перешли танки, орудия. Так этот клуб сломали, из него, из всех досок этого материала, сделали подъезд для техники, для переправы. А дальше по Дону были понтоны, вот так переправлялись. Вот здесь очень много погибло наших бойцов. Очень много бомбили. Сама наблюдала три “мессершмитта”. Сначала пролетает рама, она делает разведку, потом летят “мессершмитты” – бомбить. У разведывательных истребителей хвост сделан рамой, а “мессершмитт” – он быстрее, и хвост у него длиннее. Запомнилось, когда бомбили нас страшно. Столько было солдат, столько было беженцев! 22 июля жара была, стояла машина грузовая, полуторка. На этой машине раненые лежали, страшно было смотреть. Мы смотрели, и вскоре немцы заняли станицу. Они вначале бомбили, потом на мотоциклах с колясками ездили» [7].

Об этом же событии детально повествует рассказ И.Е. Ефремова: «Одна переправа, где старый паром, второй мост – на Аксае, глубина огромная, а после войны по щиколотку. Мы косили там камыш крыши крыть, а третья переправа, где... старый паром, разводной мост. Мелиховку бомбили, только переправы. Страшная была. Скотину за Дон перегоняли за Дон, мелиховский скот за Дон переправили. Самолеты бомбили три переправы. Я только слышал. Они в стороне. Переправа – дня три. Немцы много летали. Понтоны делали, где сельхозтехника. Ящики по четверем [сторонам] солдаты смолой заделывали, лес привозили» [8].

Как о самых ожесточенных боях за раздорскую переправу вспоминала и местная жительница А.А. Давыдыч [3].

Травматичные воспоминания станичников связаны с немецко-фашистским оккупационным режимом. С июля 1942 г. в Раздорском районе стал устанавливаться «новый порядок». Из рассказа А.Р. Басовой: «Боялись, что могут что-то не так, могут расстрелять. В доме шарили, что нашли, то забрали. Потом увидели окоп, мы начали выходить. Сестра была старшая, мы боялись за нее, что они станут к ней приставать. Она лицо глиной намазала, чтобы страшно было. Немцы сразу стали кур гонять по двору. “Яйки, яйки”, – говорили. Корова была выгнана, она так и не пришла. Они ее забрали. Потом они остановились здесь у нас. Мы были в подвале. Они в этом разбитом здании наверху, у Жулидовых, дом большой был, у них штаб был» [7].

Сохранились в воспоминаниях сюжеты и об аморальных поступках односельчан: «Комаров Павел Иванович жил, пожилой мужик, бригадир. И вот ранили солдата, и он как-то пошел, глянул – солдат кровью истекает. Он думает: надо забрать и полечить втихую. Он его притянул к себе домой, в подвал затащил, а у него там бочки, рыба соленая. За бочки замостил, вообще положил. А через двор соседский немцы были, стоял штаб. “Слушай, кум, солдат кровью истекает, я, – говорит, – заматал его тряпками”. Ну поговорили эти кумовья. И он говорит: “Вон там штаб, а при штабе есть санинструктор. Лекарства, йод, чтобы рану промыть, спирт – рану смазывать”. – “Ладно, – говорит, – попробую”. Примерно через час приходит. Опосля его, этого Романа, бабка моей матери рассказывала. Она думала, что моя мать предала. Она тоже ни с кумой, ни с кумом не ладила. Он посылал к нам, чтобы

немец картошку выкопал. Ни мать, ни отца не любили. Отца моего загнали – и с концами. Вытянули солдата на край, где рядом дом стоял, и колодец, и калитка. Бух – и убили, и даже не дали хоронить. Но потом кто-то из людей похоронил» [9].

По-разному жители станицы вспоминают об освобождении, так как за одни населенные пункты шли ожесточенные бои, а из других оккупанты просто отступили. Из интервью с Иваном Еремеевичем Ефремовым: «В 14 квартале, во дворе Люцикова Николая Романовича, стояли немецкие пушки и стреляли зимой 1943 г. фугасными снарядами по нашим. Когда фронт шел, видел кубанских казаков, у них были башлыки красные, осенью были. На верблюдах казахи – они освобождали Мелиховскую. У нас во дворе стояли верблюды» [8]. Иначе выглядит уход врага в рассказе А.Р. Басовой: «Когда немцы уходили, это было утро, было так спокойно, я жила на улице Розы Люксембург. Выстроили в ряд лошадей, русские были, власовцы, они вместе с немцами пришли и уходили вместе. Когда они начали наступать, их отправляли в разведку. И вот власовцы приходили к нам, холодно было, у нас были одни валенки на всех, они забрали у нас их. Мы тогда так обижались, что наши русские у нас забрали, чтобы одеться. Они пришли вместе с немцами и уходили с ними. Формы не было на них, обычная русская одежда. Мы их увидели, когда они уходили. Это событие зимы [сорок] третьего года. Из наших никого не помню» [7].

В заключение следует отметить, что рассказы респондентов включали ответы на вопросы о повседневной жизни и практиках выживания в суровых условиях немецко-фашистской оккупации: об обустройстве быта, организации питания, отношениях внутри семьи и с соседями, чувственном мире, стратегиях поведения. Выход исследователя на микроисторический уровень позволяет определить, какую роль сыграла оккупация в судьбе конкретного человека, прийти к пониманию сущности процессов, происходивших на оккупированной территории, через анализ отдельных судеб.

В целом период оккупации занимает в официальной памяти о войне незначительное место, поскольку в нем было место не только для героики. Нарратив дробит традиционные архетипы и символы героического сопротивления захватчикам на множество

коллективных и личных переживаний, ждущих трансляции в социальную память о войне.

Источники и литература

1. *Власкина Т.Ю.* Война в устных нарративах из архива кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., С. 198–203.

2. *Власкина Т.Ю.* Война как часть жизни: события 1941–1943 гг. на Дону в меморатах женщин-казачек (обзор материала) // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. XVII Адлерские чтения: материалы международной научно-практической конференции к 65-летию победы в Великой Отечественной войне. Краснодар, 2010. С. 102–105.

3. *Дианова Т.Б.* Рассказы о Великой Отечественной войне Анны Александровны Давыдыч (станция Раздорская Усть-Донецкого района) // Живая старина. 2014. № 3 (83). С. 36–37.

4. *Кринко Е.Ф.* Устная история Великой Отечественной войны: институционализация и результаты исследований на юге России // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 196–215.

5. *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 3. С. 115–116.

6. *Лицарева А.Ф.* Устные рассказы о войне в станице Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области: общее и локальное (по материалам экспедиции лета 2010 г.) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 104–118.

7. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант (далее – Инф.) А.Р. Басова, 1926 г.р., записана (далее – зап.) в ст. Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в апреле 2017 г. Собиратель (далее – Соб.) М.П. Мерзляков.

8. ПМА. Инф. И.Е. Ефремов, 1934 г.р., зап. в ст. Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в мае 2018 г. Соб. М.П. Мерзляков.

9. ПМА. Инф. Н.И. Аванесов, 1934 г.р., зап. в ст. Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в июле 2018 г. Соб. М.П. Мерзляков.

10. *Рыблова М.А.* Великая Отечественная война в народной памяти донских казаков // Россияне и немцы в эпоху катастроф: память о войне и преодоление прошлого: материалы конференции российских и немецких историков, Волгоград, 7–10 сентября 2010 г. / сост. И. Хелльбек, А. Ватлин, Л.П. Шмидт. М.: 2012. С. 135–145.